

Гарри несколько раз моргнул, не отрывая от нее взгляда. "Вы закончили?"

"Да", - хмыкнула Паркинсон. "Да, думаю, я закончила. А теперь, если позволишь, я пойду в библиотеку и подумаю, как остановить Амбридж, потому что, в отличие от тебя, некоторые из нас думают не только о себе".

Проходя мимо него, Пэнси задела его плечо своим, оставив Гарри одного в коридоре. Он чувствовал, как его сердце пытается вырваться из груди, а желчь застряла в верхней части горла. Его руки почти дрожали, и ему требовалась вся его энергия, чтобы сохранять спокойный вид.

Ему хотелось ударить по чему-нибудь, разразиться тысячей проклятий, схватить метлу и мчаться на ней с максимальной скоростью до такой степени, что она почти развалится от напряжения. Гарри сжал кулаки и стиснул челюсти, после чего яростно направился в сторону Выручай-комнаты, уже решив пропустить работу над новым тупым эссе.

Выручай-Комната

20:30.

Гарри ожесточённо пыхтел, глядя на восемь манекенов, лежавших на полу перед ним. Два из них всё ещё горели в углу комнаты, одежда на них уже полностью исчезла, остались только эндоскелеты, которые комната создала для манекенов.

Еще один стоял на ногах, полностью обезглавленный топором, который он наколдовал и запустил в него, прежде чем схватить и собственноручно обезглавить. Остальные пятеро были разбросаны вокруг, все они были убиты мощными вариантами проклятий *expulso*, *reducto* или *diffindo*.

Он занимался этим уже три часа, снова и снова проводя пробные дуэли, даже не удосужившись попросить реалистичные сценарии для моделирования, и только пылающий внутри него огонь не давал ему устать. Он видел, что в комнате медленно, но верно снижалась сложность манекенов, когда он просил увеличить их количество, но ему было все равно. Единственное, о чём он думал, - это выместить свою злость на всём, на чём только можно.

"Хватит", - сказал Гарри, опуская топор на пол, и тут же все манекены начали постепенно исчезать.

Гарри вышел из комнаты, где находилась арена, и направился в ванную, которая только что материализовалась. Он даже не потрудился наложить на себя и свою одежду обычные чары - он был мокрым и нуждался в новой одежде до возвращения в общежитие. Раздевшись догола, Гарри отправился в душ и стал приводить себя в порядок, как мог.

Он почти не осознавал, что делает, тело действовало само по себе, а мысли были сосредоточены на споре с Пэнси.

Кем, черт возьми, она себя возомнила? Она не знала его, она не знала, насколько он хорош на самом деле, она ни черта не знала о его жизни. Она не имела права портить ему настроение только потому, что он был не в самом лучшем расположении духа. Кроме того, Амбридж ничего ему не сделала, она не была его проблемой.

Чего она хотела от него? Неужели она действительно ожидала, что он будет, как Лонгботтом, разрушать свою жизнь, изображая героя? Это, черт возьми, не его работа, и, кроме того, кто она такая, чтобы судить его.

Она была такой же эгоисткой, как и он, она постоянно издевалась над Грейнджер и Лонгботтомом, она никогда ничего не делала ни для кого, если это не приносило выгоды ей

самой. А теперь она хочет сесть на свою высокую лошадь и нагадить ему? А он должен был, что? Позволить ей? Нет, мэм, нет, спасибо.

Не успев опомниться, Гарри вышел из душа и был потрясён, обнаружив чистую форму Слизера, висевшую поверх его старой, окровавленной, скомканной на полу.

"Спасибо", - пробормотал он, вытираясь насухо и надевая новую форму. Его изумрудные глаза смотрели на него из зеркала, пока он поправлял галстук такого же цвета. Его взгляд казался отстранённым и расфокусированным, должно быть, он устал после всего случившегося.

Гарри зевнул и направился к двери. "До завтра, дорогая", - пробормотал он. "Спокойной ночи".

Только выйдя из комнаты, он понял, что забыл попросить оставить его где-нибудь поближе к общей комнате Слизера. Однако ему было лень поворачивать назад, зная, что путь всё равно будет короче, и он продолжил идти дальше.

Дорога к общежитиям была довольно тихой, комендантский час еще не наступил, но к этому моменту большинство студентов находились либо в общих комнатах с друзьями, либо в библиотеке, готовясь к следующему дню. По дороге ему не встретилось ни одного студента, по крайней мере, до тех пор, пока он не спустился на второй этаж.

Лестница, ведущая прямо в подzemелья, находилась рядом с Общей комнатой Слизера, но поднималась она только на второй этаж. Поэтому, когда Гарри добрался до этого этажа, он оставил путь по Большой лестнице и пошёл по менее известной. Именно тогда он услышал это: он только что миновал класс Защиты и уже собирался свернуть за угол, но остановился, когда по коридору разнеслись звуки хныканья и плача.

Ему хотелось повернуть назад и забыть, что он это слышал, идти своей дорогой и никогда больше не вспоминать об этом, но он не мог заставить себя сделать это.

Он медленно повернул за угол и увидел маленького ребенка, сидящего у стены. У него были чёрные волосы и зелёная мантия поверх формы - это был один из первокурсников Слизерина. Гарри не общался с первокурсниками ни в этом году, ни в течение последних трёх лет, если уж на то пошло. Его не выбрали старостой, и он не стремился подружиться с маленькими детьми, поэтому просто игнорировал их существование.

Гарри на секунду замешкался, прежде чем подойти к ребёнку, но, похоже, он не был таким тихим, как ему показалось, потому что ребёнок почти сразу же поднял голову, дрожа в панике.

"Привет", - сказал он ему, приседая. "Как тебя зовут?"

"М-Майкл", - пролепетал он. "Майкл Ф-Флинт".

"Привет, Майкл". Гарри остановился, не зная, что сказать - он никогда раньше не оказывался в такой ситуации. "И как у тебя дела сегодня?" - спросил он неуверенно.

Майкл прикусил губу, его глаза стали еще краснее, как будто он собирался снова расплакаться. "Хорошо", - выдавил он из себя.

"Хорошо?" - Парень кивнул в ответ на его слова. Гарри несколько секунд смотрел на него, а затем медленно протянул руку.

Майкл отшатнулся, как будто ожидая, что он ударит его, и Гарри остановил руку в воздухе, пока не убедился, что с ребенком все в порядке. Когда тот не вздрогнул, Гарри вытер слезы с его лица.

"Никогда не позволяй им видеть, как ты плачешь", - сказал он ему с небольшой улыбкой.
"Неважно, что они с тобой делают и как сильно тебя обижают, никогда не давай им этого сделать. Плачь, когда ты один, когда никто не видит тебя в таком состоянии, но никогда не при них, хорошо?"

"Хорошо", - ответил он, немного успокоившись.

"Что случилось, Майкл?"

"Я... я... профессор Амбридж... она..." Мальчик не мог продолжать, он сломался и снова начал плакать. Он пытался продолжать говорить, но это были скорее хныканья, чем слова.

"Эй, всё хорошо, всё хорошо". Гарри попытался утешить ребенка, но потерпел неудачу. Какая-то часть его души хотела схватить его и обнять, но он не мог этого сделать. Он продолжал пытаться успокоить его, поглаживая по рукам, но резко остановился, когда увидел его руки.

"Майкл, - мягко сказал ему Гарри, беря его руку и осматривая её. Рука обильно кровоточила, и на ней была большая кровавая надпись.

"Я ДОЛЖЕН СЛУШАТЬСЯ СТАРШИХ".

Кровь Гарри начала закипать, он чувствовал, как кипит от гнева, ярость в груди словно налилась тяжестью. Ему хотелось ворваться в кабинет Амбридж, разорвать её на части своими собственными руками, её и всех остальных, кто посмел бы так обращаться с ребёнком. Никогда ещё ему не хотелось убить кого-то с такой яростью, какую он испытывал в данный момент.

Он был близок, очень близок, и просто чудо, что ему удалось заставить себя остаться на месте и не нарушить спокойствия.

"Все будет хорошо, Майкл", - голос его дрожал, и он вынужден был убрать свои руки с руки ребенка, боясь сжать ее слишком крепко. "С тобой все будет хорошо. Я обещаю".

<http://tl.rulate.ru/book/100416/3431837>